

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

© 1998 г., ЭО, № 2

В.Г. Моисеев, А.Г. Козинцев

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ УРАЛОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Происхождение уралоязычных народов – одна из наиболее спорных проблем в этнической антропологии. То, как она решается разными исследователями, в значительной мере зависит от специфики антропологических систем, с которыми они работают. Этим и обусловлена, на наш взгляд, необходимость межсистемных сопоставлений.

Нами уже предпринималась попытка интегрировать результаты, полученные на базе двух независимых систем – краниометрии и краниоскопии¹. Эта работа вызвала критические отклики². После ее написания количество имеющегося в нашем распоряжении краниологического материала существенно возросло, а потому представляется оправданным вновь обратиться к данной теме.

Материал, проанализированный в предыдущей работе³, дополнен данными о 29 группах, из которых 21 (1876 черепов) изучена по краниоскопической программе впервые (табл. 1). Большая часть вновь исследованных краниологических серий с территории Западной и Южной Сибири (черепла среднеобских хантов, селькупов, тоболо-иртышских, томских и барабинских татар, телеутов, тубаларов, кумандинцев, горных шорцев, кызыльцев) хранится в Томском государственном университете; серии, представляющие северных удмуртов, койбалов, качинцев и бельтыр, – в МГУ. В настоящей работе проанализированы все имеющиеся в нашем распоряжении серии, относящиеся к уралоязычным этнотерриториальным группам. Тюркоязычные народы представлены в основном суммарными выборками в целях избежания чрезмерной дробности. Внутренняя дифференциация этих народов будет рассмотрена в специальной работе.

В анализе использованы краниоскопические и краниометрические данные по 51-й, близкой к современности, серии черепов с территории Европы и Азии (ненцы и калмыки рассматриваются как азиатские популяции). Привлечены опубликованные краниоскопические данные А.Г. Козинцева по финнам, литовцам, адыгейцам, абхазам, якутам, бурятам, монголам и калмыкам⁴. Краниометрическая характеристика новых групп взята из работ Г.Ф. Дебеца (буряты, монголы, колмыки)⁵, В.П. Алексеева (северные удмурты⁶, адыгейцы, абхазы⁷, бельтыры, койбалы, качинцы⁸), М.С. Акимовой (северные чуваша⁹, башкиры Мавлютова¹⁰), В.И. Хартановича (финны)¹¹, Г. Чесниса (литовцы)¹², В.А. Дремова (салымские, балыкские, васюганские и ваховские ханты¹³, селькупы)¹⁴, томские татары¹⁵, чулымцы¹⁶), А.Н. Багашева (тоболо-иртышские татары)¹⁷, А.Р. Кима (телеуты¹⁸, кумандинцы, горные шорцы¹⁹, кызыльцы²⁰, барабинские татары²¹), Л.Ф. Томтосовой (якуты)²². Привлечены также неопубликованные данные по тубаларам, любезно предоставленные нам В.А. Дремовым.

Как и в предыдущей работе, использовались стандартная краниоскопическая программа и методика А.Г. Козинцева²³. Тригонометрически преобразованные частоты краниоскопических признаков обрабатывались методом главных компонент. Затылоч-

Частоты (%) краниоскопических признаков в исследованных группах

№	Группа	Затылочный индекс	Клиновидно-верхнечелюстной шов	Заднесуло-вой шов	Подглазнич-ный узор ти-па II	Индекс поперечного небного шва	Надглазнич-ные отверстия
1	Ханты салымские	15,9* (68)	6,1 (128)	7,7 (39)	85,3 (34)	66,7 (42)	24,2 (66)
2	Ханты балыкские	14,6* (49)	2,6 (132)	6,3 (48)	75,0 (36)	50,0 (38)	41,9 (62)
3	Ханты васюганские	26,1* (42)	4,2 (121)	7,0 (57)	70,0 (30)	47,8 (46)	42,2 (64)
4	Ханты ваховские	16,0* (45)	0 (92)	9,5 (42)	62,5 (24)	54,9 (51)	39,6 (48)
5	Ханты нижеиртышские	8,1* (42)	0 (76)	5,9 (17)	–	74,1 (27)	30,4 (56)
6	Селькупы нарымские	35,3 (68)	4,1 (833)	10,6 (255)	76,5 (166)	49,7 (354)	32,4 (478)
7	Удмурты северные	8,3 (24)	7,4 (147)	9,1 (77)	48,9 (45)	44,4 (72)	30,5 (118)
8	Удмурты южные** (суммарно)	14,3 (21)	15,7 (220)	18,3 (93)	61,4 (114)	71,1 (142)	38,9 (216)
9	Татары барабинские (суммарно)	26,0 (50)	11,2 (573)	10,7 (281)	83,2 (167)	61,0 (241)	45,7 (324)
10	Татары тоболо-иртышские (суммарно)	23,7 (59)	17,2 (778)	12,4 (340)	58,8 (226)	54,5 (334)	39,4 (431)
11	Татары томские	15,8 (19)	11,2 (221)	14,9 (74)	65,9 (41)	47,4 (78)	29,2 (130)
12	Чулымцы	19,8 (81)	12,2 (619)	15,2 (250)	64,6 (158)	55,0 (242)	38,1 (362)
13	Кызыльцы	23,1 (78)	16,8 (726)	20,8 (361)	67,2 (271)	59,3 (327)	45,4 (379)
14	Койбалы	37,7* (48)	22,7 (137)	13,6 (66)	39,9 (48)	59,7 (67)	40,5 (74)
15	Бельтары	56,2* (43)	37,4 (115)	31,5 (54)	37,9 (29)	61,7 (47)	53,4 (58)
16	Качинцы	32,3 (31)	23,4 (261)	20,1 (134)	65,4 (107)	54,6 (130)	54,3 (151)
17	Шорцы горные	26,9 (26)	14,1 (232)	16,8 (101)	46,8 (94)	41,4 (111)	44,0 (141)
18	Телеуты	43,5 (23)	16,5 (205)	3,8 (104)	67,1 (76)	49,5 (99)	42,2 (109)
19	Тубалары	22,2 (18)	21,4 (116)	10,0 (46)	66,7 (33)	48,9 (45)	24,2 (66)
20	Кумандинцы	45,2 (31)	19,2 (289)	15,7 (115)	48,1 (106)	61,8 (131)	62,7 (161)
21	Чуваши южные	5,9 (17)	23,8 (120)	13,2 (53)	68,4 (57)	64,7 (68)	27,2 (114)
22	Башкиры (Мавлютово)	20,0 (15)	26,1 (200)	5,1 (99)	55,2 (58)	72,2 (90)	39,7 (121)

Примечание. Звездочкой помечены величины, вычисленные по уравнению регрессии. В скобках дана общая численность наблюдений. ** – пересчитанные данные А.Г. Козинцева с учетом новых материалов.

Факторные нагрузки краниоскопических признаков на две главные компоненты и краниометрических признаков на первые два канонических вектора

Признак	Главные компоненты и канонические вектора	
	I	II
Затылочный индекс	0,88	0,10
Клиновидно-верхнечелюстной шов	-0,39	0,80
Заднескуловой шов	0,76	0,41
Подглазничный узор типа II	0,41	-0,74
Индекс поперечного небного шва	-0,78	0,07
Надглазничные отверстия	0,75	0,36
Доля в общей изменчивости, %	47,7	25,1
1. Продольный диаметр	-0,05	-0,48
8. Поперечный диаметр	0,14	0,56
17. Высотный диаметр	-0,27	0,16
9. Наименьшая ширина лба	-0,67	-0,12
45. Скуловой диаметр	0,37	0,08
48. Верхняя высота лица	0,19	0,46
55. Высота носа	0,01	0,17
54. Ширина носа	0,11	0,26
51. Ширина орбиты от mf	0,20	-0,29
52. Высота орбиты	0,15	0,10
77. Назомалярный угол	0,22	-0,02
<zm. Зигмаксиллярный угол	0,42	-0,07
SS:SC. Симотический указатель	-0,12	-0,37
75(1). Угол выступания носа	-0,58	0,57
Доля в общей изменчивости, %	61,6	11,3

ный индекс (ЗИ), частоты заднескулового шва (ЗСШ), подглазничного узора типа II (ПГУ II) и надглазничных отверстий (НО), а также индекс поперечного небного шва (ИПНШ) подсчитывались для мужских и женских черепов суммарно; частота клиновидно-верхнечелюстного шва – как полусумма мужских и женских значений. Краниометрические данные по мужским черепам были подвергнуты каноническому анализу (табл. 2, рис. 1,2).

Как видно из рис. 1,2, картина межгрупповой дифференциации в целом сходна с наблюдавшейся ранее²⁴. Первые интегральные показатели (I ГК и I КВ – 4,7 и 62% суммарной изменчивости соответственно, рис. 1) и разграничивают группы по соотношению европеоидности и монголоидности, тогда как вторые (II ГК и II КВ – 25 и 11% соответственно, рис. 2) отделяют большинство уралозычных популяций от всех прочих. В первом случае признаки, на которые падает наибольшая нагрузка, практически аналогичны наблюдавшимся ранее. Среди краниометрических признаков – это ширина лба и угол выступания носа, в меньшей степени – зигмаксиллярный угол (все значения более низки у монголоидов). Среди краниоскопических – ЗИ, ЗСШ, НО и ИПНШ (первые три имеют более высокие значения в монголоидных группах, последний – в европеоидных).

Не останавливаясь подробно на распределении групп в пространстве I ГК и I КВ, историческая корреляция между которыми очень сильна ($r = 0,91$, $p < 0,001$), обратим внимание на характер различий в расположении групп в пределах наиболее крупных географических регионов – Европы и Азии. Если европейские группы (включая финноязычные) располагаются довольно равномерно, то в Азии образуется два компактных скопления. Первое включает большинство западносибирских и несколько

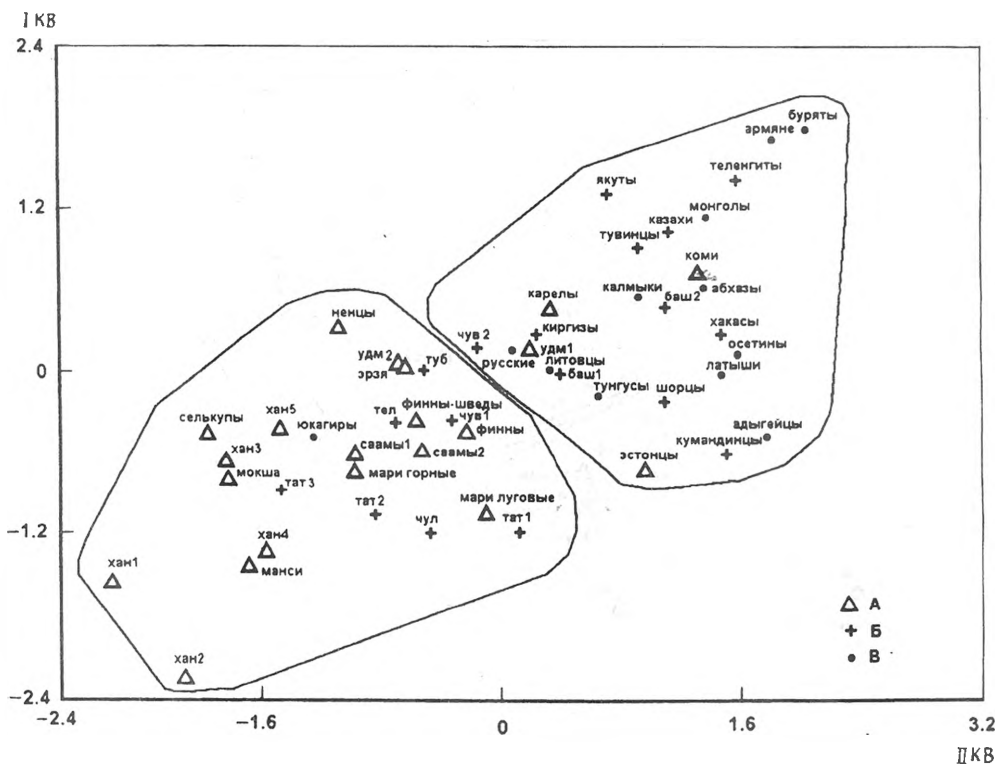

Рис. 2. Взаимоположение групп по краниоскопическим и краниометрическим признакам: II главная компонента и II канонический вектор. Обозначения и сокращения, как на рис. 1

Ближайшие аналогии эта серия, видимо, находит среди нижеиртышских хантов, представленных небольшим краниологическим материалом, не позволяющим проделать анализ в полном объеме. Однако оказалось возможным вычислить частоты некоторых признаков. Частота НО здесь также понижена по монголоидному масштабу (30%), а ИПНШ даже более высок, чем у салымцев, — 74%. Сходство хантов Салыма и Нижнего Иртыша установлено по краниометрическим данным²⁵. Хотя в языковом отношении они относятся к различным диалектным группам (восточной и южной соответственно), этнографическая близость между ними очень велика²⁶.

Переходя к описанию взаимоположения групп в системе II ГК и II KB (рис. 2), нужно отметить следующее. Историческая корреляция между обоими интегральными показателями так же, как и в предшествующем анализе, не подлежит сомнению ($r = 0,72, p < 0,001$). Столь же отчетливо выделяются два скопления групп, в одном из которых преобладают уралоязычные популяции, в другом — прочие евразийские группы независимо от языковой и антропологической принадлежности.

Краниоскопическую специфику уралоязычных популяций определяют два признака: КВШ и ПГУ II²⁷, что говорит о достаточно устойчивом, несмотря на значительное увеличение числа серий, характере дифференциации. Хотя на внутригрупповом уровне между двумя признаками наблюдается умеренная отрицательная связь, из этого вовсе не следует, что ни один из них не имеет самостоятельного значения, как полагают наши критики²⁸. На межгрупповом уровне КВШ и ПГУ II образуют самые разнообразные комбинации. Так, низкие частоты обоих признаков характерны для многих монголоидных популяций (индейцев, ряда амуро-сахалинских народов, айнов); довольно высокие — для северных европеоидов и некоторых центральноазиатских групп. Это было бы невозможно при существовании между КВШ и ПГУ II жесткой морфологической зависимости.

Манси же, занимавшие в прежнем анализе крайне «уральское» положение, выделяются в основном по черепному указателю, что и объясняет отсутствие больших нагрузок на лицевые признаки при отсутствии в анализе среднеобских хантыйских популяций³¹.

«Супермонголоидностью» некоторых среднеобских хантыйских групп по степени выступления носовых костей, вероятно, вызвана их большая монголоидность по краниометрии, чем по краниоскопии. Слабое выступание носа оказывается ведущим как для оценки европеоидности и монголоидности (I KB), так и при выявлении уральской специфики (II KB), хотя и в совершенно различных сочетаниях. Низкий черепной указатель сближает вышеназванные обско-угорские группы с некоторыми поволжско-и прибалтийско-финскими (горными марийцами, мордвой-мокшей, эстонцами).

Верхняя высота лица, взятая по отдельности, в меньшей степени обособляет урало-язычные популяции, которые в целом характеризуются ее средними значениями. Самое низкое лицо – у саамов и чулымцев.

Не подлежит сомнению, что сильнее всего уральская специфика выражена у обских угров. Самыми «уралоидными» оказываются ханты рек Салым (по краниоскопии) и Балык (по краниометрии). В этом отношении обе группы довольно сильно превосходят остальные. Данный результат несколько неожидан, поскольку среди исследователей, разделяющих мнение об особом антропологическом статусе уралоязычных народов, традиционным было мнение о том, что уральский комплекс в наибольшей степени сохранился у манси³². Этой же точки зрения придерживались и мы³³. Новые материалы заставляют скорректировать данное представление, ибо, как выясняется, некоторые хантыйские популяции сохранили древнеуральскую специфику не в меньшей, а скорее в большей степени, чем манси. Как бы то ни было, центр концентрации "уральских" признаков находится в районе среднего течения Оби.

Наиболее сильная среди угорских групп «неуральская» тенденция проявляется у хантов Халас-Погора. В этом отношении они оказываются промежуточными между остальными уграми и ненцами. Последние же вообще характеризуются «неуральскими» значениями II KB и оказываются в «уральском» кластере только за счет II ГК. Впрочем, и краниоскопически ненцы оказываются наименее «уралоидной» угросамодийской популяцией. Таким образом, наши результаты подтверждают вывод В.А. Дремова, А.Р. Кима и А.Н. Багашева о значительном краниометрическом отличии ненцев от других угро-самодийских групп³⁴. Наибольшее же сходство ненцы проявляют с некоторыми южносибирскими популяциями (качинцами). Подтверждается также предположение о наличии в составе хантыйской группы из Халас-Погора существенного неенецкого компонента, фиксируемого как на основе анализа краниометрических данных³⁵, так и по археологическим материалам³⁶.

Остальные угорские группы по результатам анализа краниоскопических признаков располагаются между салымскими и балыкскими хантами, с одной стороны, и хантами Халас-Погора, – с другой. То же касается и селькупов. Помимо вышеуказанных групп, в «уральский» кластер вошло большинство финноязычных популяций (мордва-мокша и эрзя, северные удмурты, горные и луговые марийцы, кольские и финские саамы, финны), а также выборки, представляющие тюркоязычные этносы, – все имеющиеся в нашем распоряжении западносибирские (барабинские, томские, тоболо-иртышские татары, чулымцы), частично североалтайские (телеуты, тубалары) и одна восточно-европейская (южные чуваша). Как известно, тюркоязычность большинства перечисленных народов – явление сравнительно недавнее. Наши результаты дают веские основания полагать, что по крайней мере некоторые из их предков относились к уральской общности.

Величина «уральского» комплекса у данных групп по II ГК и II KB различна, причем различия эти зависят от ряда факторов и в каждом конкретном случае требуют специального рассмотрения. Можно выделить две ситуации «несоответствия» между краниоскопическими и краниометрическими данными. Первая характеризует случаи, когда отклонения в ту или другую сторону бессистемны. Это возможно либо при

сравнении близкородственных групп, различающихся в основном за счет выборочных погрешностей, либо в результате действия генного дрейфа. В последнем случае отклонения по абсолютным величинам больше (отметим, что большинство случаев сильного расхождения результатов анализа краниоскопических и краниометрических данных наблюдается в Азии, что, вероятно, указывает на большую роль изоляции).

Вторая ситуация возникает, когда различия имеют более систематический характер и могут быть истолкованы в этногенетическом плане. В этом смысле характерно, что многие угро-самодийские группы оказываются более «уралоидными» по краниоскопической характеристике, а тюркоязычные, в частности большинство западно-сибирских групп (тоболо-иртышские, томские татары, чулымцы) и некоторые североалтайские (шорцы, кумандинцы), – напротив, по краниометрической. Это позволяет предположить, что существуют реальные различия в антропологической характеристике данных этнических группировок. Возможно, в состав западносибирских тюркских народов помимо «уральского» вошел какой-то антропологический компонент, близкий к древнеуральскому в краниометрическом отношении (по крайней мере в отношении используемой здесь программы признаков), но отличающийся от него по краниоскопической характеристике.

Единственной краниоскопически более «уралоидной» из западносибирских популяций группой оказываются барабинские татары, происхождение которых их первый исследователь И.Ф. Страленберг прямо связывал с уграми³⁷. В настоящее время большинство исследователей, занимающихся данной проблемой, придерживаются мнения о многокомпонентности барабинцев³⁸. Краниоскопические данные подтверждают эту точку зрения, но в то же время указывают на сохранение некоторыми группами барабинцев уральского комплекса признаков в сравнительно «чистом» виде.

Четыре уралоязычных группы – коми-зыряне, карелы, южные удмурты и эстонцы – не вошли в «уральский» кластер. При этом для первых трех групп наблюдается высокий уровень соответствия результатов анализов обеих систем признаков, свидетельствующий о формировании данных групп на преимущественно иной, «неуральской», антропологической основе. Краниологическая характеристика эстонцев более противоречива; по краниологическим данным у этой группы фиксируется «уральская» тенденция. Следует, однако, иметь в виду, что исследованная по краниоскопической программе серия малочисленна и к тому же не совпадает с серией, краниометрическая характеристика которой использована для анализа. Поэтому любое суждение по данному вопросу было бы преждевременным. Присутствие уральского субстрата в составе шорцев, кумандинцев и хакасов нашими результатами не подтверждается.

Теперь несколько замечаний общего характера. В литературе можно встретить утверждение о том, что спор о генезисе уральских народов якобы сводится к дилемме: либо метисность, либо «протоморфность»³⁹. Такая трактовка совершенно неверна. Никто не сомневается в том, что в направлении с запада на восток уральского ареала европеоидные черты в целом ослабляются, а монголоидность нарастает. Более того, метисность уральцев гораздо заметнее, чем их своеобразие. Наши результаты полностью это подтверждают.

На самом деле спор идет лишь о том, можно ли считать метисацию единственным фактором расообразования в данном ареале. Отрицательный ответ на этот вопрос однозначно следует из работ, базирующихся как минимум на четырех независимых системах – соматологии, одонтологии, краниоскопии и краниометрии⁴⁰. Каждая из них свидетельствует о том, что метисация была вторичным процессом, нарушившим былое уральское антропологическое единство. Поэтому, хотя многие детали еще нуждаются в уточнении, главную проблему можно считать вполне решенной. Метисационная теория (если понимать ее как утверждение об отсутствии в антропологическом статусе уральцев чего-либо иного помимо метисности) подлежит окончательной сдаче в архив.

Особняком стоит дерматоглифика, по материалам которой своеобразие уральцев не

выявляется⁴¹. Это, разумеется, отнюдь не говорит о слабости дерматоглифики вообще; просто в данной ситуации она оказывается менее информативной, чем другие системы.

Главные выводы из нашего исследования таковы.

1. Наличие в краниологической характеристике большинства уралоязычных народов ряда общих и весьма специфичных черт подтверждает данные смежных наук о существовании в прошлом единого уральского пранарода. Лишь после его распада метисация стала основным фактором расообразования в данном регионе. Высокое соответствие между антропологическими и лингвистическими данными, обнаруженное в отношении уралоязычных народов, противопоставляет их другим народам, у которых антропологическая специфика проявляется менее сильно (как, например, у индоевропейцев) или вовсе не проявляется (как, например, у тюрков).

2. Территория, на которой удается по краниологическим данным зафиксировать присутствие уральского компонента в различной степени выраженности, охватывает значительную часть севера Евразии. В Европе она частично включает Фенноскандию (саамы, финны) и Волго-Камский регион (мордва-мокша и эрзя, горные и луговые марийцы, кожные чуваша, северные удмурты), а в Азии – практически всю Западную Сибирь (ханты, манси, селькупы, ненцы, тоболо-иртышские, томские и барабинские татары, чулымцы) и частично северный Алтай (телеуты, тубалары). Присутствие уральского антропологического компонента в составе юкагиров свидетельствует о принадлежности их предков к уральской общности.

3. Центр концентрации уральских признаков находится в районе Средней Оби (среднеобские ханты, манси). По мере удаления от этого центра уралоидность уменьшается. В целом она выше на территории Азии.

4. Краниологические данные позволяют говорить об отсутствии существенного уральского антропологического компонента у некоторых уралоязычных народов, в частности карел, коми-зырян и южных удмуртов.

5. Метисационные процессы с участием древних уральцев и прочих различных по происхождению групп сыграли значительную роль в формировании урало- и тюркоязычных народов. Если в Европе преобладала метисация древних уральцев с европейцами, то в Азии она проходила с участием как европеоидного, так и монголоидного компонентов. У большинства этнотерриториальных групп тоболо-иртышских и томских татар, чулымцев, тубаларов и телеутов фиксируется древняя европеоидная примесь, у ненцев и особенно у юкагиров – значительный неуральский монголоидный компонент.

6. Краниоскопические данные позволяют подтвердить предположение И.Ф. Страленберга об уральском происхождении барабинских татар.

Мы многим обязаны покойному В.А. Дремову, оказавшему первому из авторов настоящей статьи неоценимое содействие при работе с краниологическими коллекциями ТГУ и предоставившего ему свои неопубликованные материалы. Мы признательны также С.Г. Ефимовой и Т.В. Томашевич за помощь при изучении материалов Музея антропологии МГУ.

Примечания

¹ Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: Сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Сов. этнография. 1995. № 4. С. 81–88.

² Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Верцубская Г.Г. Угры Оби и уральская раса: дерматоглифический аспект // Вестн. антропологии. 1996. № 2. С. 111–128.

³ Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Указ. раб.

⁴ Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988; Kozintsev A.G. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. 1992. V. 43. № 3. P. 213–244.

⁵ Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. 1951. Т. 17.

⁶ Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы. М., 1989.

- ⁷ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- ⁸ Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 4. М., 1960. С. 269–364.
- ⁹ Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. 1955. № 23. С. 78–92.
- ¹⁰ Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
- ¹¹ Хартанович В.И. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 71–89.
- ¹² Česnyš G. On the craniology of the Balts // Ethnogenese europäischer Völker. Stuttgart; N.Y., 1986.
- ¹³ Дремов В.А. Краниология среднеобских хантов // Матер. к серии «Народы и культуры» Вып. VII. «Обские угры (ханты и манси)». М., 1991. С. 10–29.
- ¹⁴ Дремов В.А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 106–132.
- ¹⁵ Дремов В.А. Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья (I. Эуштинцы) // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990. С. 52–72.
- ¹⁶ Дремов В.А. Антропологический состав чулымских тюрков XVI–XIX вв. Краниометрия // Тюрки таежного Причулымья: популяция и этнос. Томск, 1991. С. 166–199.
- ¹⁷ Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск, 1993.
- ¹⁸ Ким А.Р. Материалы к краниологии телеутов // Вопр. археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 151–163.
- ¹⁹ Ким А.Р. Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- ²⁰ Ким А.Р. Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 208–216.
- ²¹ Ким А.Р. Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. С. 249–260.
- ²² Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // Сб. МАЭ. Т. 36. Л., 1980. С. 121–129.
- ²³ Козинцев А.Г. Указ. раб.; Kozintsev A.G. Op. cit.
- ²⁴ Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Указ. раб.
- ²⁵ Дремов В.А. Краниология среднеобских хантов; Багашев А.Н. Таксономическое положение тоболо-иртышских татар в системе расовых типов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С. 18–37.
- ²⁶ Соколова З.П. Современные этнические процессы у обских угров // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 85–105.
- ²⁷ Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Указ. раб.
- ²⁸ Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Указ. раб.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Полосьяк Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.О. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск, 1989.
- ³¹ Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Указ. раб.
- ³² Бунак В.В. Антропологический тип черемис // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. № 3–4. С. 137–177; Давыдова Г.М. Антропология манси. М., 1989.
- ³³ Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Указ. раб.
- ³⁴ Дремов В.А., Ким А.Р. Южные связи обских угров и самодийцев по данным краниологии // Матер. VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М., 1989. С. 168–170; Багашев А.Н. Таксономическое положение...
- ³⁵ Дремов В.А. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984. С. 106–132.
- ³⁶ Мурашко О.А., Кренке Н.А. Могильник Халас-Пугор на Нижней Оби: Погребальный обряд, датировка, этническая интерпретация // Антропология и история культуры. М., 1993. С. 80–115.
- ³⁷ Strahlenberg P.I. Das nord- und östliche Teil von Europa und Asien. Stockholm, 1730.
- ³⁸ Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992.
- ³⁹ Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Указ. раб.
- ⁴⁰ Ссылки см.: Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Указ. раб.
- ⁴¹ Хить Г.Л., Долинова Н.А., Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Указ. раб.

V.G. Moiseyev, A.G. Kozintsev. New Evidence Concerning the Biological Specificity of the Uralic-Speaking Populations

Metric and nonmetric data on 51 cranial series representing Uralic and other Eurasian populations were subjected to canonical variate (CV) and principal component (PC) analysis. As in our previous work, CV1 and PC1 reveal a strong east to west gradient among the Uralians while CV2 and PC2 separate most of them from the remaining groups. This is the first unambiguous biological proof of the existence of a Proto-Uralic population from which most modern Finnish, Ugric and Sarmoyed groups, as well as the Yukaghirs, have descended. Only after the dissociation of this original stock did hybridization (with Mongoloids in Siberia and Caucasoids in Europe) become the principal evolutionary factor in the Uralic linguistic area. Our results confirm that the ancestors of many Turkic-speaking groups in Western Siberia were Uralians (Ugrians or Sarmoyeds).

© 1998 г., ЭО, № 2

С.Л. С а н к и н а

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НОРМАНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

(могильник Куреваниха-2)

Несмотря на то что на территории Древней Руси имеется немало памятников с элементами скандинавской материальной культуры, а порой и содержащих целые скандинавские комплексы, костным материалом из них антропологи практически не располагают. Вещевые комплексы датируются, как правило, IX – не позднее XI в.: этими временными рамками, по мнению исследователей, и ограничивается эпоха активного взаимодействия Руси и норманнов. В распоряжении исследователей в настоящее время находятся три серии черепов скандинавского облика: из Шестовиц близ Чернигова, Старой Ладоги и могильника Куреваниха-2 на р. Мологе. Причем только шестовицкая группа была обеспечена вещами скандинавского происхождения.

Известно, что элементы и традиции какой-либо культуры могут восприниматься и распространяться в иноэтничной среде и без широкого участия непосредственных носителей. Как правило, к такому результату приводят интенсивные военные и торговые контакты. Исторические данные не позволяют говорить о серьезном переселенческом движении скандинавов в русские земли, а только в этом случае они могли бы внести масштабные изменения в антропологию местных коллективов.

Германский краниологический вариант, даже при наличии известного полиморфизма на межгрупповом уровне, чрезвычайно своеобразен и может быть достоверно выделен в инородной среде. Гораздо сложнее обстоит дело с проблемой метисации, поскольку возможность ее диагностики ограничена. В этой связи смешение может быть зафиксировано лишь на ранних стадиях и только в группах скандинавского облика, так как будучи интенсивным, оно ведет к смягчению германской специфики, делая ее трудноуловимой.

Подробно специфика краниологического комплекса германцев описана в книге Т.И. Алексеевой «Этногенез восточных славян по данным антропологии»¹. Большинство германских серий (а скандинавские – все) характеризуются сочетанием низкого свода черепа с высокими лицом и орбитами. Кроме того, у германцев крупная длинная черепная коробка и относительно узкий нос.

Балты и близкое к ним по морфологии население западных территорий Древнерусского государства, а также часть финнов (эсты, карелы, коми, вепсы) отличаются высоким черепом и низкими орбитами. Этот фактор, не исключая совпадения других характеристик, отчетливо разделяет германцев и указанные народы. Резко полярны